

СИМВОЛИКА ОБРАЗОВ СВЯЩЕННИКОВ-АНТИПОДОВ В РОМАНЕ ГРЭМА ГРИНА «СИЛА И СЛАВА»

И. С. Юдчиц

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: irina.yudchits@yandex.by

В статье делается попытка символической интерпретации главных человеческих образов романа «Сила и слава», написанного выдающимся английским писателем XX века Грэмом Грином. Дается краткая история событий, описанных в романе. Автор анализирует образы двух священников- антиподов, символизирующих добро и зло, силу и слабость, торжество духа над плотью, веры над страхом. Подчеркивается глубина и многоплановость повествования. Приводятся многочисленные цитаты из оригинала.

Ключевые слова: символ; символика; символизм; антипод.

SYMBOLISM OF HUMAN IMAGES IN THE NOVEL «THE POWER AND THE GLORY» BY GRAHAM GREENE

I. S. Yudchits

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: irina19770408@gmail.com

The article attempts a symbolic interpretation of the main human characters in the novel "The Power and the Glory", written by the outstanding English writer of the twentieth century Graham Greene. A brief history of the events described in the novel is given. The author analyzes the images of two priests-antipodes, symbolizing good and evil, strength and weakness, the triumph of the spirit over the flesh, faith over fear. The depth and versatility of the narrative is emphasized. There are numerous quotations from the original.

Keywords: symbol; symbolic image; symbolism; antipode.

В 1938 г. Грэм Грин едет в командировку в Мексику для того, чтобы написать о религиозных преследованиях, происходивших там после того, как часть страны была захвачена коммунистами. После этой поездки писатель выпускает роман «*The Power and the Glory*», который в русском переводе звучит «Сила и слава».

События романа происходят в одном из южных штатов Мексики пять лет спустя после коммунистического переворота. Страна находится в полном запустении, разрушены города, деревни. Страх и уныние, безысходность и тоска царят повсеместно. Но

особенно преследуется религия: церкви разорены и разрушены, священнослужители либо скрылись, либо расстреляны. Во всей стране остался только один священник, которого власти никак не могут найти. Да и священник этот не бог весть какой, далеко не лишенный человеческих слабостей и пороков: боязливый, иногда жалкий, любитель спиртного. В нем нет ничего высокого и героического. Роман рассказывает о том, как он пытается выжить, убегая от преследователей. Читатель становится свидетелем его побед и неудач, и, в конце концов — его смерти.

Главную символическую нагрузку в романе несут его образы, Это два священника: один — преследуемый и вечно куда-то бегущий, точнее, убегающий; другой — отец Жозе — «...*a fat old impotent man mocked and taunted between the sheets*» [1, p. 29]. Отец Жозе порвал с церковью после прихода коммунистов из-за страха, но ничего от этого не выиграл: «...*he was like an obscene picture hung here to corrupt children with*» [1, p. 29]. Это и Метис, который постоянно следует за священником, как его тень, ни на минуту не покидает его и в конце концов приводит его к смерти. Это и та сила, которая преследует священника, не давая ему покоя нигде. Воплощением этой роковой давящей силы служит лейтенант полиции, который был «...*like a little dark menacing question mark*...» [1, p. 35].

Примечательно, что ни священник, ни лейтенант, ни Метис нигде не названы по имени — они безымянны, ибо они есть символы наибольшей степени обобщения, они — символы жизни и того, что в ней есть постоянно, независимо от времени и места событий: сила духа и сила плоти, сила страха, человеческое зло, корыстолюбие, жадность, подлость и предательство.

В данной статье мы рассмотрим лишь два основных человеческих образа романа — священников.

Основным символом романа является главный его герой — преследуемый властями священник: «...*a small man dressed in a shabby dark city suit... he gave an impression of unstable hilarity, as if perhaps he had been celebrating a birthday...alone*» [1, p. 89]. Он — последний священник в этой стране, и он отчаянно пытается выжить. Вот уже пять лет он прячется от преследователей, но не считает себя героем. «*There are good priests and bad priests. It is just that I am a bad priest...*» [1, p. 91].

Однако по ходу чтения романа читателю становится очевидно ясно, насколько удивительным человеком является этот священ-

ник. Другие священники уже давно покинули страну, нет церквей, служб, а он все не уходит, хотя сделать это не так уж и сложно: ведь в итоге ему удастся бежать в безопасную часть Мексики. Но он возвращается назад, при этом зная наверняка, что идет на верную смерть: мысль о том, что там может находиться человек при смерти, а он его не исповедует, заставляет его вернуться. Конечно же, он не находит никакого умирающего, а вместо этого встречает коварство, обман и смерть.

Важно, как много значит этот священник в своей роли *последнего*, какая ответственность на нем за то, что именно *он*, именно в этой *стране*, именно *последний*. Последний — значит, избранный. Избранный — значит, страдающий. Страдающий — значит, погибающий. Но в смерти этой — большая надежда, уверенность в том, что она не напрасна. Сама смерть эта — символ чего-то гадкого, потому что теперь жестокий мир, где жил священник, уже не может напугать его ни своими тюрьмами, ни солдатами, ни предателями. Недаром накануне своей смерти он видит символический сон: будто бы он находится перед алтарем и ест шесть блюд, которые «...*did not taste of much but he had a sense that when he had finished them, he would have the best dish of all...*» [1, p. 200]. Несомненно, шесть блюд — это жизнь на земле, мирская суета, в которой и вкуса то никакого особого нет («...*that old corrupt God-ridden world...*» [1, p. 202], где «...*we all are fellow prisoners...*» [1, p. 129]. Напротив, седьмое блюдо — это мир горный, лучший мир, где нет места злу, подлости, коварству. Как и седьмой день, посвященный Богу: кесарю — кесарево, а Богу — божье.

Священник, таким образом, является извечным символом торжества духа над плотью, вечной жизни над смертью, силы над слабостью, веры над страхом. Почему он так долго не покидает эту страну? Потому что он нужен людям: пусть не церкви, нет служб, но этот священник является символом той веры, которая живет в сердцах людей. Вера — сильнейшее оружие. Сила веры, религии, духа воплощена в этом священнике. Неслучайно у него нет имени, он просто «*Father*». Сила веры проявляется в том, как люди под страхом смерти хотят поговорить с ним, исповедаться, присутствовать на службе [1, p. 175]; она проявляется и в словах одного из персонажей: «...*a priest's credit, father, is always good enough for me...*» [1, p. 68]. Вера и надежда есть даже в тюрьме, которая была «...*very like the world: overcrowded with lust and crime and unhappy love: it stank to heaven*» [1, p. 127].

И тут, когда говорит священник, его слушают внимательно: «... *everybody... listened attentively to him, as if he were addressing them in church. He was moved by an enormous and irrational affection for the inhabitants of this prison...*» [1, p. 127]. Вера удерживает священника в стране печали и разрушений, заставляет его чувствовать ответственность за всех. Именно мысль о том, что он может оказаться в безопасности, в то время как другие все еще будут страдать, удерживает его здесь.

И сама смерть главного героя романа глубоко символична, потому что удивительным образом входит в параллель со смертью Иисуса Христа. Преследуемый сильными мира сего, безвозмездно помогающий окружающим и затем преданный за деньги этими же людьми, для которых он жил и которым он служил, священник идет на смерть осознанно, молится за предателей и тех, кто совершает над ним насилие и расправу. Конечно же, на ум приходят имена многих христианских мучеников, а также сотни и тысячи точно так же, как и гриновский герой, безымянных мужчин, женщин, детей и стариков — убитых, замученных растерзанных дикими зверями на аренах колизеев Римской империи, да и за ее пределами тоже.

А. Ф. Лосев писал; «Символ есть та обобщенная смысловая мощь предмета, которая, разлагаясь в бесконечный ряд, осмысливает собою и всю бесконечность частных предметов, смыслом которых она является» [2, с. 65]. Так и смерть неназванного священника разлагается в бесконечный ряд пострадавших за веру, праведную жизнь и стремление изменить мир, потонувший в нечистоте, пороке, лжи.

Падре Жозе — образ-антипод. Он тоже священник, но в данных обстоятельствах его вряд ли можно назвать священником. Падре Жозе — обратная сторона веры — контрастный образ. Он — воплощение страха, слабости, малодушия, неспособности противостоять обстоятельствам. Падре Жозе — это символ греха, неприглядного и вместе с тем вызывающего жалость: его глаза «...*like those of a pig conscious of the slaughter-room... He had lived for two years now in a continuous state of mortal sin with no one to hear his Confession: nothing to do at all but to sit and eat...*» [1, p. 30]. Это сравнение с нечистым животным, свиньей, сразу напоминает читателю известную сцену из Евангелия, когда Христос изгоняет легион бесов из бесноватых и они вселяются в стадо свиней, пасущееся на берегу. Обуреваемые страстями-пороками животные

не в силах сопротивляться, поэтому бросаются с крутого берега в воду и погибают. Падре Жозе, хоть и жив физически, не имеет опоры в виде веры и духовно деградировал настолько, что и сама жизнь ему не приносит ни радости, ни удовольствия. Никчемное существование жалко, тягостно, но человек в той или иной степени чувствует, что движется к пропасти, к саморазрушению, и глубоко страдает из-за этого.

Падре Жозе не вызывает у людей ничего, кроме насмешки: «... *there was no respect left for him in his home, in his town, in the whole abandoned star...*» [1, р. 30]. Он и сам не чувствует к себе уважения: даже не злится на уличных мальчишек, которые изо дня в день дразнят его: «...*he had no right to be angry... he smiled humbly and sketched small gestures for silence...*» [1, р. 30]. Точно так же, как вера безымянного священника заполняет мир, в котором он живет, грех падре Жозе превращает весь мир в «...*burning and abandoned ship. The whole world was blanketed with his own sin...*» [1, р. 29].

Интересно и то, что этот священник назван по имени. Грин никогда не забывает упомянуть его, ибо у греха всегда есть название, мы можем его почувствовать, увидеть, в то время как вера беспредельна и необозрима. Грех конкретен, а вера абстрактна. С чего начался грех? С Адама и Евы. А вера? Это никому неизвестно. Вера существовала задолго до греха, она сохранится и после того, как грех исчезнет.

Таким образом, священники романа являются антиподами по имени — один безымянен, другой имеет собственное имя. Они антиподы и по образу жизни, а главное, по образу мысли, отношения к смерти и вечности. Все это Грэму Грину удастся показать через поразительно тонкое символическое выстраивание текста, зачастую через одно слово, сказанное к месту и ко времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Green, G. *The Power and the Glory* / G. Green. — London: Penguin Books, 1962. — 221 p.
2. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. — М.: Искусство, 1976. — 367 с.